

Е. РЫБИНА

РАСКОПКИ В НОВГОРОДЕ

(к 50-летию работ Новгородской археологической экспедиции)

В 1982 г. исполняется 50 лет с начала раскопок в одном из старейших русских городов, Новгороде. Событие для исследователей русского средневековья немаловажное, так как именно с раскопок в Новгороде началось планомерное, систематическое, не прекращающееся до сих пор археологическое изучение древнерусских городов, которое во многом изменило привычные представления о происхождении и развитии древнерусских городских центров.

До недавних пор источниковедческую базу исследования древнерусской истории, в том числе Новгородской феодальной республики, составляли главным образом летописи, фиксирующие на своих страницах все основные события того времени. Однако при всем обилии летописных известий многие стороны древнерусской жизни не находили отражения на страницах летописи. В связи с этим в последние десятилетия важную роль в изучении древнерусских городов приобрели археологические материалы, которые стали незаменимыми, а иногда и единственными источниками по истории политической, экономической и культурной жизни Древней Руси. В ряду древнейших русских городов Новгород занимает особое место, так как в отличие от большинства этих городов, бывших центрами княжеских монархий, Новгород был центром феодальной республики. «Великой русской республикой средневековья» называл его Маркс.

Археологическое исследование Новгорода имеет уже свою историю и может быть разделено на несколько этапов. Первый археологический раскоп был заложен в Новгороде летом 1932 г. в одном из древнейших новгородских концов, Славенском (рис. 1, 1). Раскопки на Славне и Ярославовом Дворище (рис. 1, 2, 3) в 30—40-е гг. относятся к первому этапу археологического изучения Новгорода. В те годы обрабатывалась методика археологических раскопок древнерусских городов, накапливался материал для дальнейшего исследования Новгорода.

Раскопки Неревского конца (рис. 1, 6) в 50-е годы знаменуют второй этап в археологическом изучении Новгорода. С 1951 по 1962 гг. в одном из древнейших новгородских концов, Неревском, было раскопано около 10 000 м² на глубину от 5 до 7 м. Именно здесь были сделаны главные открытия в новгородской археологии, о которых речь впереди. 26 июля 1951 г. на Неревском раскопе была найдена первая берестяная грамота, а всего Неревский раскоп дал 405 документов на бересте. На этом же участке впервые были обнаружены древние новгородские мостовые и примыкающие к ним усадьбы. В результате двенадцатилетних работ на Неревском раскопе был изучен целый квартал средневекового Новгорода, собрана богатейшая коллекция (около 100 тысяч) древних предметов, которые характеризуют политику и экономику, торговлю и ремесло, быт и культуру средневекового города. При раскопках Неревского конца для датировки открытых древностей впервые был применен ден-

Рис. 1. План Новгорода с указанием древнейших концов и раскопов. Концы: I — Славенский, II — Неревский, III — Людин. Раскопы: 1 — на Славне 1932—1937 гг., 2 — на Ярославовом Дворище в 1938 и 1939 гг., 3 — на Ярославовом Дворище 1947—1948 гг., 4 — на валу, 5 — Чудинцовский, 6 — Неревский, 7 — Ильинский, 8 — Буяный, 9 — Готский, 10 — Славный, 11 — Тихвинский, 12 — Михайловский, 13 — Торговый, 14 — на Кировской ул., 15 — Рогатицкий, 16 — Людогощин, 17 — на валу, 18 — Варварин, 19 — Троицкий, 20 — Козмодемьянский, 21 — Дмитриевский.

дрохронологический метод, благодаря которому деревянные мостовые и связанные с ними постройки и разнообразные находки получили четкие датировки. Неревский раскоп стал своего рода эталоном новгородской археологии, по которому определяются материалы других раскопов.

В последние десятилетия археология в Новгороде переживает новый этап. Он связан с постановлением Новгородского горсовета 1969 г. о том, что любым строительным работам в городе должны непременно предшествовать археологические раскопки. Следовательно, ни один метр древнего новгородского культурного слоя не погибнет под ковшом экска-

ватора. Принципиальное отличие третьего этапа от двух первых состоит в том, что теперь археологи не сами выбирают место для раскопок, а следуют впереди строителей, закладывая раскопы в самых различных местах Новгорода, в пределах его древней территории, намеченных под очередное строительство. Это повлекло за собой и изменение в некоторой степени научных планов экспедиции. В связи с исследованием разных районов города в повестку дня в первую очередь вошли вопросы топографии города, складывания его территории, что, в свою очередь, ведет к решению вопросов происхождения и развития Новгорода.

В Новгороде, как нигде в другом месте прекрасно сохраняются предметы неорганического и, что особенно важно, органического происхождения. Изделия из железа и цветных металлов почти не подвержены коррозии, некоторые инструменты настолько сохранили свои качества, что ими можно пользоваться и сегодня. Находки из дерева, кости, кожи, бересты, шерсти также прекрасно сохраняются в новгородском культурном слое, не подвергаясь процессам гниения. Такая исключительная сохранность древностей объясняется, во-первых, особыми условиями формирования культурного слоя Новгорода, а во-вторых, наличием в нем различных элементов, препятствующих разрушению металлов.

Что касается формирования культурного слоя, то оно проходило следующим образом. Новгород рос по обеим сторонам Волхова на плотной материковой глине, не пропускающей воду. С развитием города постоянно рос и слой, состоящий из строительных остатков, отходов пищи, выброшенных и потерянных вещей. Из-за повышенной влажности почвы (Новгород был окружен болотами) слой этот насыщался водой, так как глинистая почва, подстилающая образовавшиеся прослойки, не пропускала воду. Следовательно, здесь не происходило и циркуляции воздуха; таким образом создавалась особая микросреда, в которой не развивались бактерии, способствующие гниению. Поэтому все попавшие в культурный слой Новгорода сооружения и предметы из органических материалов хорошо сохранились. Культурный слой оказался прекрасным естественным консервантом для содержащихся в нем древностей.

Новгородский культурный слой не был подвержен и механическим разрушениям, потому что из-за повышенной влажности новгородцы не строили погребов. Вплоть до 18 в. планировка Новгорода оставалась неизменной, в городе преобладали деревянные постройки, фундаменты которых также не нарушали средневековых построек, находящихся в земле. Только во второй половине 18 в. по указу Екатерины II была предпринята перепланировка Новгорода, в основе которой лежала прямоугольная сетка улиц. В результате этой перепланировки и создания разветвленной дренажной системы были осушены верхние слои, поэтому древности 16—19 вв. в Новгороде не сохранились.

Многолетние раскопки в Новгороде по существу заново открыли этот древнерусский город, известный прежде только по письменным источникам. Главным событием не только новгородской, но и всей советской археологии стало открытие в Новгороде берестяных грамот, представляющих собой различного рода записи, нацарапанные на бересте (рис. 3). С момента находки первого письма на бересте прошло 30 лет и теперь коллекция берестяных документов насчитывает 595 экземпляров. Приятно отметить, что за прошедшие 30 лет расширилась география находок грамот на бересте. Они обнаружены не только в Новгороде, но и в Смоленске (10 экз.), Старой Руссе (14 экз.), Пскове (4 экз.), Витебске (1 экз.) и совсем недавно во Мстиславле (1 экз.). Письма на бересте стали объектом пристального внимания и всестороннего исследования для ученых разных специальностей: лингвистов, экономистов, юристов, искусствоведов, географов, но в первую очередь, историков. В настоящее время существует обширная литература, посвященная бере-

стяным грамотам, в числе которых — солидные монографии и отдельные статьи разных авторов.¹ Большой интерес вызвала находка берестяных грамот и за рубежом.

Эффект находки первых берестяных грамот был потрясающим, еще и сейчас каждое письмо на бересте воспринимается участниками экспедиции как чудо, потому что за любым из них (писем) — судьба конкретного средневекового новгородца, в любой из грамот — живой рассказ о событиях давно ушедших времен. По образному выражению В. Л. Янина, грамоты на бересте — это «берестяная почта столетий» из прошлого в настоящее и будущее. В первые годы после открытия берестяных грамот основное их значение специалисты видели в том, что письма на бересте коренным образом изменили прежние представления о распространении грамотности на Руси. Оказалось, что грамотными были не только представители духовенства и профессиональные писцы, но и многие новгородцы разного социального положения, среди которых были также женщины. Со временем, когда число берестяных документов достигло нескольких сот экземпляров, их первоначальная оценка, не потеряв своего смысла, существенно дополнилась. Грамоты на бересте расцениваются теперь историками как разновидность письменных источников по истории Древней Руси. Причем в то время как традиционные письменные источники давно известны и хорошо изучены исследователями, а открытие каких-либо новых документов в этой области весьма проблематично, коллекция берестяных грамот ежегодно обогащается новыми находками, постоянно восполняя пробелы в наших знаниях древнерусской жизни.

Предпринятый известным советским историком Л. В. Черепниним источниковедческий анализ грамот на бересте² позволил распределить эти документы по нескольким группам, каждая из которых характеризует различные стороны жизни Новгородской республики. Особенно важна выделенная автором группа берестяных грамот, в которых зафиксировано практическое применение в новгородском судопроизводстве статей «Русской правды» (свод законов Древней Руси) и других законодательных актов. Значение этого факта трудно переоценить, так как впервые историкам стали известны конкретные жизненные примеры использования древнерусских законов. Большой интерес специалистов вызвали берестяные документы с жалобами крестьян, хозяйственными распоряжениями бояр, ростовщическими записями, характеризующие развитие феодальных отношений в Новгороде. Вообще, содержание текстов грамот на бересте весьма разнообразно. Кроме уже названных документов в них и школьные упражнения, и литературные записи, и заказы художнику, и духовные завещания, и сообщения о военных походах, и поминальные записки, и брачный договор, и многочисленная семейная переписка. Религиозных текстов в собранной археологами «берестяной библиотеке» мало, среди них представляет интерес первая и пока единственная берестяная книжечка, размеры 5×6 см. В ней 12 страниц, на семи из которых записаны самые трудные части пространной вечерней молитвы, исполнявшейся по воскресеньям, раз в восемь недель. Трудная для запоминания, она и была записана на бересте и оформлена в виде книжечки.

Берестяные грамоты сообщают нам такие подробности новгородской политической, экономической, культурной и просто повседневной жизни,

¹ Академическое издание берестяных грамот с прорисями текстов, фотографиями, подробными комментариями, толкованием отдельных слов и текста в целом, переводом содержания на современный русский язык подготовил А. В. Арциховский с соавторами. Последний том академического издания грамот, вышедший в 1978 г., выпущен им совместно с В. Л. Яниным.

² Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

которых не содержит ни одно из официальных свидетельств того времени. Грамоты на бересте, став новым видом письменных источников, остаются и археологической находкой, неразрывно связанной с тем комплексом, где они были найдены. В этой особенности состоит их главное отличие от письменных источников остальных видов и заключается главное достоинство. Археологи привыкли к безымянности того, что они раскапывают, будь то жилище, городская усадьба, ремесленная мастерская или захоронение. Грамоты на бересте впервые назвали имена владельцев и жителей многих новгородских усадеб. Неотрывность берестяных документов от археологических комплексов позволяет не только узнать имена, но определить социальную принадлежность и повседневные занятия новгородцев.

Среди новгородских берестяных грамот есть и иноязычные записи: две карельских и одна латинская. Одна из карельских грамот, найденная в слое 13 в., оказалась на 600 лет древнее всех известных в настоящее время письменных текстов на карельском языке. Первая латинская надпись на бересте была найдена при раскопках Готского двора в Новгороде в 1970 г. Она содержит шифрованную запись начальных абзацев 94 псалма Давида. Вероятно, иноземный купец сделал себе на память это редко исполняемое песнопение.

Наряду с находкой берестяных грамот важнейшим достижением новгородской археологии стало открытие усадеб. Нельзя сказать, чтобы исследователи совсем ничего не знали прежде о новгородских усадьбах. В писцовых книгах 16 в. содержатся описи улиц с перечислением дворов, указанием их размеров и имен владельцев. Но ни в одном письменном источнике не сохранилось сведений о новгородских усадьбах 10—15 вв. Археологические раскопки поначалу тоже не дали ни одной открытой хотя бы наполовину усадьбы. Только на Неревском раскопе, когда площадь исследуемого участка достигла нескольких тысяч квадратных метров, впервые стало возможно говорить об усадьбах и их владельцах. В течение 12 лет на Неревском раскопе были открыты три древние улицы: Великая, Козмодемьянская и Холопья и 10 усадеб, расположенных вблизи названных улиц.

Благодаря открытию большого комплекса усадеб удалось определить типы построек, существовавших в средневековом Новгороде. Большую работу по изучению новгородских построек провел П. И. Засурцев. Привлеченные им этнографические материалы, а также результаты раскопок других древнерусских городов позволили реконструировать целые кварталы древнего Новгорода.³ При изучении жилых срубов им было установлено, что социальные различия определялись не типом жилища, а его размерами. По типам же жилища различаются хронологически. На территории усадеб вместе с жилыми срубами находились постройки хозяйственного и производственного назначения, которые тоже были тщательно и подробно изучены. Каждая усадьба огораживалась частоколом, остатки которого прослежены во многих местах Неревского и других раскопов.

Однако установление внешнего облика древних новгородских усадеб не самое главное достижение в их открытии. Комплексное исследование усадеб со всеми обнаруженными в них древностями (постройками, берестяными грамотами, различными находками) имеет большое значение в изучении средневекового города, так как позволяет судить о составе населения и его социальной структуре, о роли различных групп в общественной жизни города, о формировании городской территории. Наблюдая последовательную смену разновременных остатков построек одной и той же усадьбы (на Неревском раскопе, например, эти напластования со-

³ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА № 123, М., 1963. Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967.

ставили 28 ярусов), оказалось возможным исследовать историю усадьбы на протяжении многих поколений ее владельцев с середины 10 до середины 15 в. Особенно важно, что благодаря берестяным грамотам удалось не только определить владельцев и жителей усадеб по именам, но также установить их социальное положение и род занятий.

Большинство усадеб, открытых на Неревском раскопе, принадлежало боярам, самым богатым и влиятельным лицам в новгородском обществе. Границы их усадеб практически не менялись с момента основания, что свидетельствует о традиционности боярских владений в Новгороде. Кроме того в результате раскопок было установлено, что структурной основой древнейшей территории Новгорода были именно боярские усадьбы, составлявшие патронимию, на которых кроме самих владельцев (бояр) жили также зависимые от них в той или иной степени ремесленники, мелкие купцы, священники.⁴ Особенно интересные материалы были получены на Неревском раскопе при исследовании усадеб 14—15 вв. В это время многие из них принадлежали богатейшей боярской семье Онцифоровичей, члены которой долгое время были посадниками, т. е. стояли во главе Новгородской республики. Представители шести поколений этой семьи оставили свои автографы на бересте. Из берестяных грамот, авторами или адресатами которых были Онцифоровичи, стало известно, что главной заботой правящего класса Новгорода было земледелие. Именно оно и эксплуатация крестьян были основой богатства и могущества новгородского боярства. Таким образом, открытые археологами усадьбы позволили правильно решить многие проблемы политической организации и экономической структуры Новгородской феодальной республики.

В последнее время в Новгороде наряду с боярскими владениями обнаружены самостоятельные усадьбы и других социальных групп новгородского общества. На Торговой стороне города были открыты две купеческие усадьбы, одна в слоях 12—13 вв., другая в слое 14 в. Существенным результатом изучения этих усадеб стало установление того факта, что их владельцы, принадлежащие к купеческому сословию, были заняты не только торговой деятельностью, но и организацией ремесленного производства в своих владениях, что свидетельствует о неразрывной связи ремесла и торговли в средневековом Новгороде. К сожалению, купеческие усадьбы не были исследованы полностью, поскольку участки, отведенные под раскопы, были невелики.

Сенсационным стало открытие в Новгороде, в слоях второй половины 12 в., усадьбы художника.⁵ В 1973 г. на Троицком раскопе частично была открыта усадьба, принадлежащая священнику Олисею Гречину, что документально подтверждается берестяными грамотами и многими находками. Его имя встречается также на страницах Новгородской летописи в рассказе 1193 г. о выборах архиепископа. Олисей Гречин был одним из претендентов на должность архиепископа и, следовательно, занимал высокий пост в новгородской церкви.

В последующие годы усадьба Гречина исследовалась дальше, и в 1977 г. в пределах этой усадьбы были обнаружены остатки огромной постройки площадью больше 100 м² (рис. 2). Отмечу, что это в три-четыре раза превосходит площади любых новгородских построек, известных по раскопкам ранее. Данная постройка не была жилым, хозяйственным или производственным помещением. Сооружение имело открытую галерею, которая покоилась на мощных деревянных колоннах диаметром 70 см. В самой постройке и вблизи нее были найдены остатки разных красок и большое количество минералов, которые после специальной

⁴ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975, 2-е изд.

⁵ Янин В. Л. Открытие мастерской художника 12 в. в Новгороде. Вестник АН СССР, 1980, № 1.

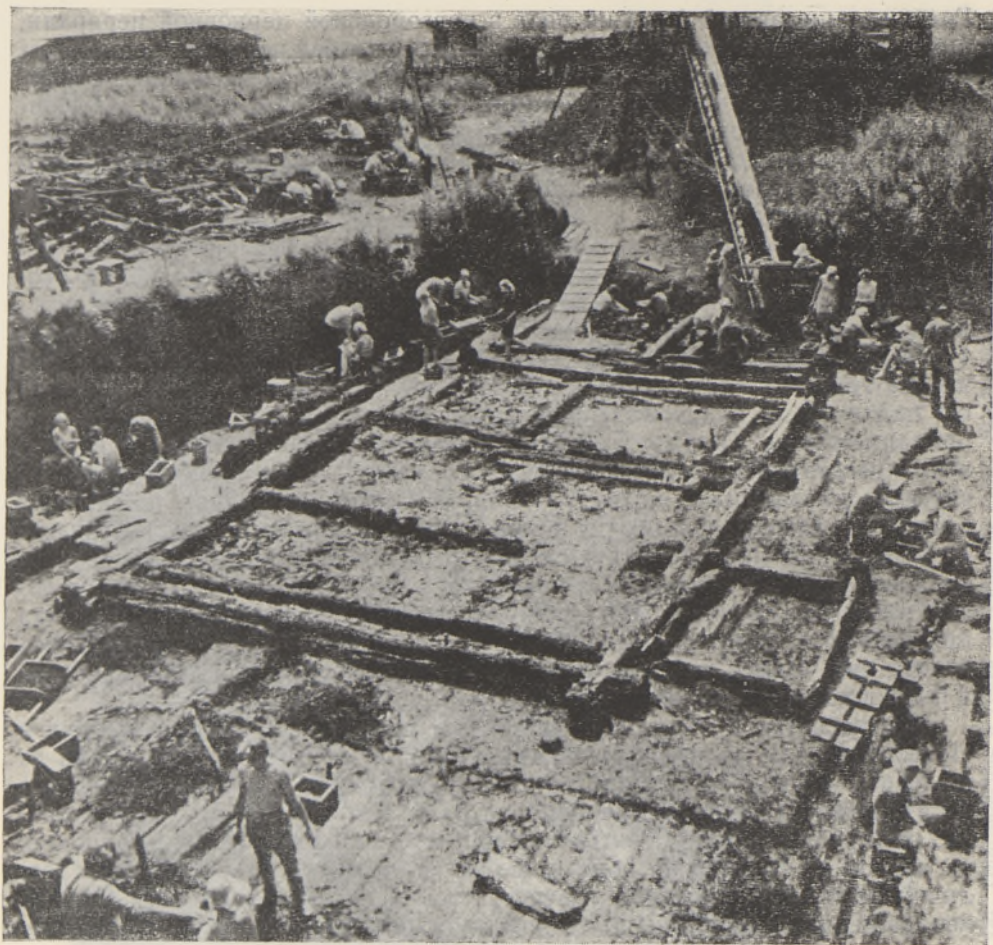

Рис. 2. Остатки мастерской художника 12 в. на Троицком раскопе. На переднем плане мостовая Черницыной улицы.

обработки превращались в необходимые краски. Среди других находок — более десяти маленьких деревянных иконок, некоторые из них с остатками красок; найдены и обломки бронзовых окладов для этих иконок, а также золотая и серебряная фольга, которой покрывались оклады. Все названные предметы, несомненно, свидетельствуют о существовании здесь мастерской художника.⁶ О единстве открытой в 1973—1977 гг. на Троицком раскопе усадьбы говорит такой любопытный факт: в 1973 г. на раскопе вблизи жилого дома Олисея Гречина был найден обломок небольшого оклада иконки, вторая часть этого оклада была обнаружена в 1977 г. рядом с мастерской (рис. 4).

После открытия мастерской возник вопрос: кто был художником — сам ли владелец усадьбы или зависимый от него человек, который работал по заказам Олисея Гречина? На этот вопрос ответили найденные на раскопе берестяные грамоты, среди которых — два заказа: «От попа к Гречину. Напиши мне две иконы с двумя шестикрылыми ангелами. Наверх деисуса. Целую тебя, бог тебя вознаградит», второй текст лаконичнее: «От попа от Минны к Гречину. Будь здесь с тремя иконами к Петрову дню.» Таким образом, мы узнали, что владелец усадьбы Олисей

⁶ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника 12 в. М., 1981.

Гречин, занимавший высокий пост в новгородской церковной иерархии, и был художником, который писал иконы для своей церкви и по заказам священников для других церквей Новгорода. Такое совмещение профессий в одном лице не должно смущать современного читателя. Из Новгородской летописи известно, что даже некоторые новгородские архиепископы были художниками-иконописцами. Несомненно, Олисей Гречин был руководителем мастерской, в которой работала целая группа художников и подмастерьев.

Всякое новое имя в древнерусском искусстве вызывает большой интерес и у специалистов, и у широкой публики; ведь древнерусское и особенно домонгольское искусство по существу безымянно. История сохранила нам имена Феофана Грека (14 в.) и знаменитого Андрея Рублева (15 в.). Теперь же мы узнали имя художника, который жил и творил на два-три столетия раньше этих известных мастеров. Заманчиво было бы найти среди художественных памятников Новгорода произведения, принадлежащие Олисею Гречину. Исключительный интерес в связи с этим представляет предположение В. Л. Янина, основанное на стройной системе доказательств о том, что Олисей Гречин был одним из главных мастеров, расписывавших в конце 12 в. знаменитую церковь Спаса-Нередицы под Новгородом, живопись которой, почти целиком погибшая во время войны, производила огромное впечатление на всех, кому посчастливилось ее видеть.⁷ Открытие усадьбы Гречина — бесценный вклад археологов в историю древнерусского искусства, которое пополнилось теперь еще одним именем и конкретными свидетельствами творчества и быта древнерусских живописцев.

Что касается прикладного искусства, то в этой области раскопки в Новгороде дали массу всевозможных изделий от бытовых предметов до шедевров мелкой пластики, из которых назову находку последнего десятилетия. В 1972 г. была найдена каменная иконка, на обеих сторонах которой помещены святые: на одной стороне Симеон и Ставрокий, на другой — Георгий на коне (рис. 5). Образы святых совершенно различны по стилю исполнения и относятся к разным историческим эпохам: изображение Симеона и Ставрокия — к 13, Георгия — к 14 в.⁸ Разнообразие предмета может быть объяснено тем, что первоначально на нем были только Симеон и Ставрокий — патроны заказчика иконки. Спустя несколько десятилетий, новый владелец заказал вырезать на оборотной стороне и изображение своего патрона, св. Георгия.

Не только украшения, любая вещь утилитарного назначения, будь то ложка или рукоять ножа, музыкальный инструмент или спинка кресла, гребень или кожаная туфля, украшены резьбой, затейливым орнаментом, изображением фантастических или вполне реальных животных. Народное прикладное искусство — вот почва, взрастившая великих художников, творцов непреходящих шедевров средневекового искусства.

Археологические раскопки внесли много нового и в решение сложнейшей проблемы происхождения Новгорода. В русской и советской историографии долгое время господствовала гипотеза о существовании где-то «старого» города и о последующем перенесении его на другое место, отчего город и был назван «новым», Новгородом. В качестве таких предшественников Новгорода чаще всего назывались Старая Русса, Ладога и Городище, удаленные от Новгорода соответственно на 100, 190 и 3 км. Однако Старая Русса более чем на сто лет моложе Новгорода и наименование «Старая» она получила только в 19 в. Древнейшие напластования Ладоги и Городища не обнаруживают преемственной связи с самыми ранними новгородскими слоями. Кроме того, если Новгород был

⁷ Янин В. Л. Фрески Олисея Гречина? — Вестник АН СССР, 1980, № 6.

⁸ Николаева Т. В. Каменная иконка, найденная в Новгороде — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975.

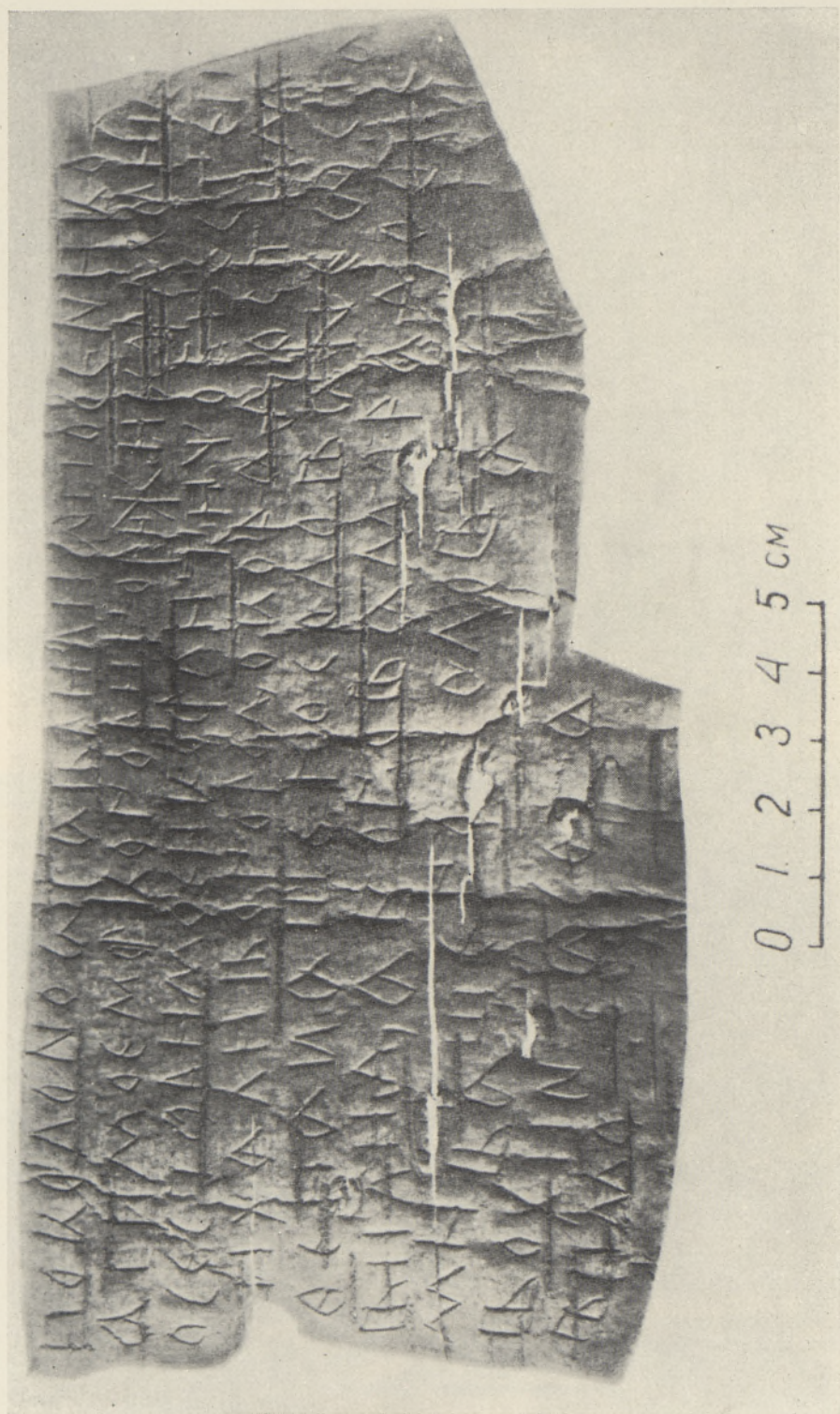

Рис. 3. Берестяная грамота № 497. Приглашение в гости от Гаврилы к его родственникам.

Рис. 4. Бронзовый оклад иконки.

Рис. 5. Каменная иконка с двусторонним изображением святых; а) Симеон и Ставрокхий, б) Георгий.

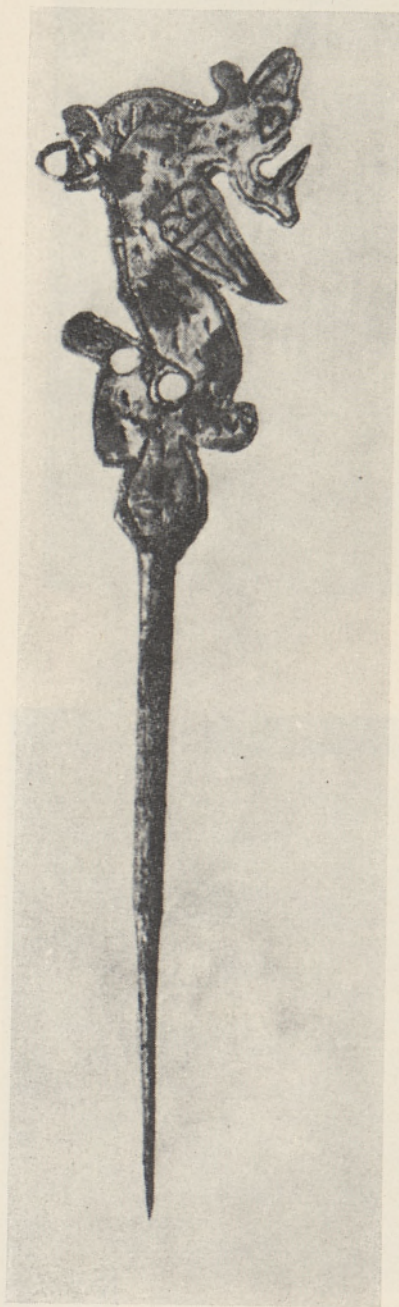

Рис. 6. Бронзовая одежная булавка с изображением дракона. (увелч. 1,5X).

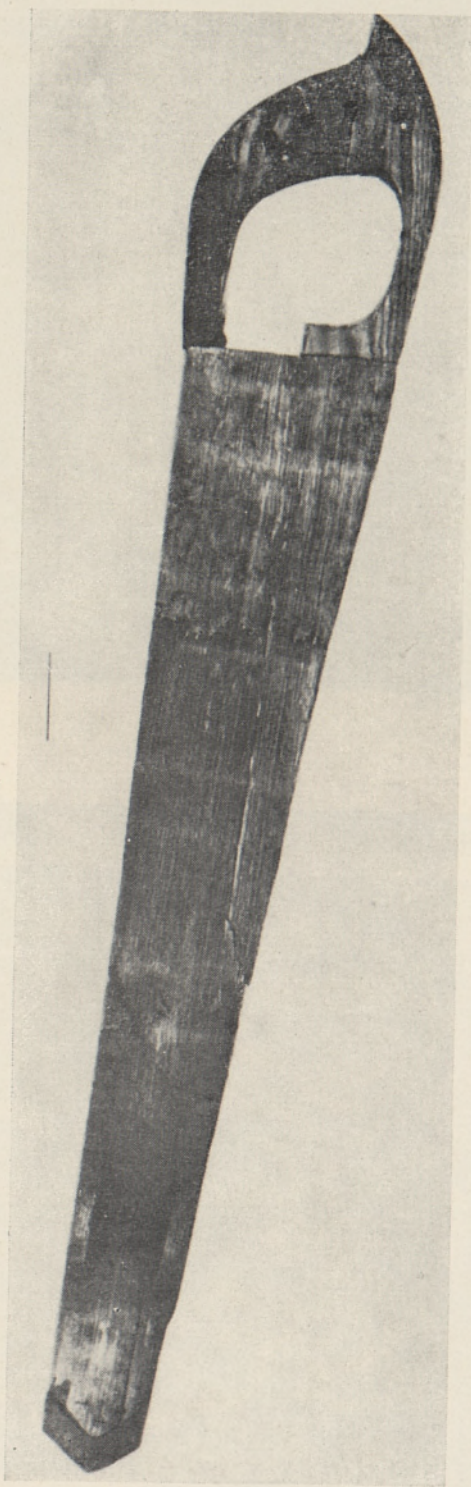

Рис. 7. Гусли 11 в.

перенесен с какого-то другого места, то, следовательно, он был заселен одновременно, и практически в любом месте в пределах границ древнего Новгорода должны были находиться слои 9 и начала 10 вв. — времени возникновения города. Сооружения новгородского вала, который хорошо сохранился до сих пор, относили прежде к 12 в., считая, что к этому времени Новгород достиг своих границ. Однако археология демонстрирует совсем иную картину. Во-первых, в разных раскопах, заложенных в различных местах древней новгородской территории, в нижних ярусах обнаруживаются слои не только 10, но и 11, 12, и даже 13 и 14 вв. Во-вторых, археологические исследования новгородского вала и подробный анализ письменных источников привели к аргументированному выводу о том, что существующий и ныне вал был сооружен лишь на рубеже 14—15 вв.⁹ Таким образом, перечисленные факты свидетельствуют не о единовременном заселении Новгорода, а о его постепенном развитии, о поэтапном складывании городской территории, достигшей максимальных размеров только к концу 14 в.

Вместе с тем слои 10 в. известны в настоящее время в трех районах Новгорода — ядрах древнейших новгородских концов: Славенского, Неревского, Людина (рис. 1). По-видимому, эти первоначальные поселки-концы и были теми жилыми образованиями, по отношению к которым сооруженная ими совместно крепость-кремль в 9 или начале 10 в. стала носить наименование Нового города. Впоследствии это название перешло на территорию всего города.

Большая заслуга принадлежит археологии и в деле изучения новгородского ремесла и торговли и их соотношения в экономическом развитии города. До раскопок в Новгороде и в других древнерусских центрах господствовало мнение, что ремесло в Древней Руси было развито слабо и все необходимые изделия она получала вследствие торговли с другими странами. Однако широко поставленные археологические исследования русских древностей в корне изменили представления о соотношении ремесленного и торгового факторов в экономической жизни Древней Руси. Крупнейшим событием в этой области стала монография Б. А. Рыбакова¹⁰, в которой автор на основе анализа многочисленного археологического материала доказал высокий уровень развития ремесленного производства на Руси. Его выводы касались и Новгорода, хотя к моменту выхода книги еще не были проведены важнейшие, ставшие теперь классическими раскопки в Новгороде. Еще в первый год раскопок в Новгороде были открыты ремесленные мастерские игрушечника и сапожника, с тех пор ежегодно обнаруживаются новые мастерские, благодаря которым железо-обрабатывающее и ювелирное, токарное и деревообделочное, кожевнное и сапожное, костерезное и ткацкое ремесла изучены в Новгороде в недоступных прежде объеме и полноте.

Применение методов естественных наук (металлографический, спектральный, структурный и другие анализы) впервые познакомили с технологией производства древних предметов, с приемами их изготовления, что, в свою очередь, привело к важным историческим наблюдениям. Металлографический анализ железных изделий подтвердил высокую дифференциацию новгородских ремесленников. Изготовление каждой вещи, будь то нож, топор, копьё или гвоздь, требовало особого умения, сноровки и специального обучения. Кузнец в совершенстве мог овладеть только какой-нибудь одной узкой специальностью.

Исключительный интерес не только для истории ремесла, но и для экономического развития Новгорода в целом представляет структурный анализ железных инструментов, который позволил установить, что тех-

⁹ Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории). — Советская археология, 1970, № 4.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

нология производства железных предметов в 10—11 вв. существенно отличалась от технологических приемов 12—14 вв.¹¹ В 10—11 вв. лезвия ножей, ножниц, топоров и др. изготовлялись из нескольких чередующихся слоев железа и стали, что делало их самозатачивающимися в процессе употребления. Предметы этого времени очень сложны по форме, что удлиняло и без того сложный технологический процесс их изготовления.

На рубеже 11—12 вв. технология производства железных вещей резко упрощается: вместо многослойных лезвий употребляются простые лезвия со стальной наваркой. Изделия с такими лезвиями служили только до тех пор, пока не стачивалась наваренная стальная рабочая часть. Вместе с тем упрощается и внешний вид изделий, а количество их заметно возрастает. Так была получена дата массового перехода ремесленников от производства продукции на заказ к производству на рынок, а значит, и решительного расширения рынка. К 12 в. спрос на изделия кузнецов сделался таким большим, что они уже не могли, придерживаясь прежней технологии, обеспечить потребности рынка. Поэтому им пришлось упростить технологические приемы изготовления вещей. Аналогичные выводы были сделаны и при исследовании технологической схемы производства украшений и других предметов из цветных металлов.¹²

Археологические материалы позволили проследить и динамику развития новгородских ремесел. В настоящее время в громадных коллекциях Новгородской экспедиции в значительных количествах содержатся предметы, свидетельствующие о широком развитии, высокой технической оснащенности и дифференциации новгородских ремесел. К числу таких предметов относятся разнообразный инструментарий, отходы производства и многочисленные образцы ремесленной продукции. Среди них лишь в виде редких исключений встречаются вещи иноземного происхождения.

Напротив, сырье для ремесленных изделий многих категорий было импортировано. Серебро для литья денежных слитков и ювелирного производства, цветной металл для изготовления церковной утвари и бытовых предметов, а также различных украшений привозили из стран Западной Европы. Из Англии, Венгрии, Польши везли олово и свинец, употреблявшийся главным образом для покрытия новгородских церквей и для изготовления печатей, скреплявших разнообразные официальные документы. В 1965 г. на одном из раскопов был обнаружен слиток свинца весом в 150 кг, снабженный клеймами польского короля Казимира Великого (14 в.). С Кавказа везли самшит для изготовления деревянных гребней и других бытовых предметов. Из Прибалтики Новгород импортировал янтарь для изготовления крестиков, бус, перстней и других украшений. Находки янтарных изделий и отходы производства в виде недоделанных или бракованных вещей и просто мелких обломков часто встречаются при раскопках Новгорода. Таким образом, археологический материал стал важным доказательством существования собственного развитого ремесленного производства в средневековом Новгороде, отведя торговле в этой системе роль поставщика сырья.

Накопление археологического материала существенно расширило источниковедческую базу изучения новгородской торговли. Торговые связи Новгорода, одного из крупнейших торговых центров Древней Руси, давно привлекали внимание историков, однако письменные источники, среди которых большую часть составляют иностранные документы: торговые и таможенные книги немецких городов, Тевтонского ордена и купеческих фамилий, договорные грамоты Новгорода с западными госу-

¹¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА № 65, М., 1959.

¹² Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров 10—15 вв. МИА № 117, М., 1963.

дарствами, новгородская скра — устав Немецкого двора в Новгороде, — наиболее полно освещают торговые отношения Новгорода со странами Западной Европы с конца 13 в. Наличие и состояние письменных источников обусловило в значительной мере разработанность тем, связанных с западной торговлей Новгорода в 14—15 вв. Что касается ранних этапов развития новгородской торговли, то долгое время они оставались практически неисследованными.

Наряду с отдельными привозными изделиями археологические раскопки выявили импортные для Новгорода предметы массового характера, количество которых с каждым годом увеличивается и составляет в настоящее время более 10 000 находок. В составе импортных изделий — предметы как южного, так и западного ввоза, характеризующие развитие торговых связей Новгорода с 10 по 15 вв.

Разработанная методом дендрохронологии четкая датировка новгородского культурного слоя и массовый характер импортных предметов позволили распределить последние по стратиграфическим ярусам и составить на этой основе хронологические графики распределения предметов импорта в Новгороде. В результате этого удалось установить динамику ввоза в Новгород различных товаров, наметить подъемы и спады в их импорте, определить их связь с изменением политической обстановки в том или ином направлении. Исследование разнообразных категорий импорта привело к важным выводам об этапах развития новгородской торговли, о состоянии торговых путей днепровского, волжского и западного направлений.¹³

Материальная культура и быт новгородцев также стали хорошо известны благодаря археологии. Коллекция древних вещей, обнаруженных при раскопках в Новгороде, насчитывает десятки тысяч различных предметов от мельчайшего бисера до двухметровых деталей саней. Архитектурные детали дома и части интерьера, посуда и разнообразный бытовой инвентарь, транспорт и вооружение; обувь и одежда, украшения (рис. 6) и предметы туалета, музыкальные инструменты и шахматы стали достоянием археологов. И если историки прошлого вообще ничего не знали об укладе жизни и быте новгородцев, а их материальный мир представляли по довольно условным изображениям в летописных миниатюрах, то современным исследователям многолетние раскопки в Новгороде предоставили казавшуюся еще недавно невероятной возможность познакомиться с вполне конкретными новгородцами в окружении привычных в их быту предметов. Мир средневекового новгородца открылся нам во всей его полноте и многообразии, что чрезвычайно важно для проникновения в его духовную жизнь, для объективного восстановления реальностей повседневной жизни.

Исключительный интерес представляет находка в Новгороде различных музыкальных инструментов, среди которых — гусли, гудки (образы современных скрипок), свирели и варганы. Коллекция новгородских средневековых музыкальных инструментов — явление уникальное по разнообразию представленных в ней типов и по хронологическому диапазону от 11 до 14 вв. Среди них древнейшие гусли 11 в. с вырезанным на них именем гуслияра Словиша (рис. 7), маленькие гусли 12 в. с изображением на тыльной стороне льва и диковинной птицы, крошечный гудочек, вероятно, детский 12 в., заготовки таких гудочков. Конечно, большинство музыкальных инструментов дошли до нас во фрагментах, но в умелых руках замечательного новгородского художника и первоклассного мастера В. И. Поветкина все они обрели вторую жизнь. Длительные поиски и многолетние занятия средневековой музыкальной культурой привели его к точнейшей реконструкции археологических

¹³ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли 10—14 вв. М., 1978.

музыкальных инструментов. Вместе с тем, восстанавливая форму и размеры инструмента, этот удивительный мастер сумел воссоздать и музыкальный строй древних новгородских инструментов.

Целый мир игр для взрослых и детей также был открыт археологами в Новгороде. Среди находок — многочисленные шахматные фигуры, шашки, расчерченные доски для игры в «мельницу», широко известную в Прибалтике и Западной Европе. Детские игрушки представлены вырезанными из дерева куклами, кониками, фигурками птиц и животных, деревянными мечами и другими образцами игрушечного оружия, кожными мячами, глиняными погремушками, свистульками, посудой. Найдены и игры, напоминающие современные юлу и пропеллер.

Завершая краткий обзор достижений новгородской археологии за 50 лет, отмечу, что здесь перечислены и упомянуты самые важные археологические открытия, сделанные в Новгороде.¹⁴ Раскопки в Новгороде дали массу новых сведений по всем областям средневековой новгородской жизни, открыли много нового и ранее неизвестного буквально в любой отрасли наших знаний о средневековье. Каждый очередной сезон раскопок дарит новые открытия, решает одни проблемы и ставит другие. Археологические раскопки — это «окна» в средневековый Новгород и каждый раз «открывая» их, мы становимся свидетелями богатой духовной, бурной политической, насыщенной разнообразными событиями повседневной жизни средневекового Новгорода. Впереди — новые встречи с древним Новгородом и его жителями.

¹⁴ Результаты археологического исследования Новгорода постоянно публикуются в разных изданиях, главные из которых: Труды Новгородской археологической экспедиции (в 4-х томах). — В кн.: Материалы и исследования археологии СССР. М., 1959, т. 55, № 65; М., 1963; № 117, № 123, и сборник статей «Археологическое изучение Новгорода», М., 1978.

Представил В. Маамяги

*Московский государственный
университет*

Поступила в редакцию
16/II 1981

J. ROBINA

KAEVAMISED NOVGORODIS

(Novgorodi arheoloogiaekspeditsiooni 50. aastapäevaks)

Artikkel käsitleb Novgorodis 50 aasta kestel tehtud arheoloogilise uurimistöö tulemusi. Kaevamisi alustati 1932. aastal ja kogu leiumaterjal on asendamatuks, mõnes osas ainsaks allikaks Novgorodi feodaalvabariigi ajaloo kohta.

Suurimaks avastuseks mitte ainult Novgorodi, vaid kogu nõukogude arheoloogias on kahtlemata kasetohtürikud, mis kajastavad kõigekülgselt keskaegse Novgorodi elu. Esimene tohtkiri leiti 1951. aastal, praeguseni on neid saadud 595. Välja on kaevatud mitmeid elamukvartaleid, sealhulgas 10.—15. sajandisse dateeritavate bojaari- ja kaupmehemajapidamiste jäänuseid. Sensatsiooniline leid oli 12. sajandist pärinev kunstniku elamu ja töökoda.

Viie aastakümne pikkused kaevamised on andnud rohkesti uusi teadmisi Novgorodi päritolu kohta, avanud seni tundmatuid üksikasju tema kaubandusest, käsitööst ja olmest, loonud pildi tema materiaalsest ja vaimsest kultuurist.

Moskva Riiklik Ülikool

Toimetusse saabunud
16. II 1981

AUSGRABUNGEN IN NOWGOROD

(zum 50. Jahrestag der Nowgoroder archäologischen Expedition)

Der Artikel ist den grundlegenden Resultaten der archäologischen Untersuchungen von Nowgorod im Laufe der vergangenen 50 Jahre gewidmet. Die ersten Ausgrabungen wurden im Jahre 1932 unternommen und seit dieser Zeit bildeten die archäologischen Materialien eine unersetzliche, manchmal die einzige Quelle über die Geschichte der Nowgoroder Republik.

Vieljährige Ausgrabungen in Nowgorod haben diese altrussische Stadt im Grunde genommen neu entdeckt. Zweifellos wurde 1951 der Fund der ersten Urkunde auf Birkenrinde, die es gegenwärtig 595 Exemplare gibt, zur wesentlichsten Entdeckung nicht nur der Nowgoroder sondern der ganzen sowjetischen Archäologie. Die Urkunde auf Birkenrinde bildet eine neue Art der schriftlichen Quellen und erläutert wahrhaftig alle Seiten des Nowgoroder mittelalterlichen Lebens.

Die wichtigste Errungenschaft der Nowgoroder Archäologie bildet die Untersuchung der den Historikern früher vollständig unbekanntes Bojarenwirtschaften des 10.—15. Jh., teils auch diejenige der Kaufleute des 12.—14. Jh. Eine Sensation wurde die Entdeckung eines Künstlerhauses sowie einer Nowgoroder Kunstwerkstatt aus dem 12. Jh.

Archäologische Ausgrabungen haben viel Neues zur Lösung des komplizierten Problems über die Entstehung Nowgorods beigetragen. Ein großes Verdienst gehört der Archäologie bei der Untersuchung des Nowgoroder Handwerks und Handels sowie der materiellen Kultur, der geistigen Entwicklung und der Lebensart der Nowgoroder.

Moskauer Staatsuniversität

Eingegangen
am 16. Febr. 1981